

Евгений Голубовский

Самый академический beach

Сегодня имя Георгия Гачева (1929-2008) есть в энциклопедиях всего мира. Еще бы – писатель, мыслитель, ученый, доктор филологических наук. Главный труд его жизни – «Национальные образы мира» в 16 томах, его вклад в философию и литературу – «Жизнемысли» (1984 г.), «Книга удивлений, или Естествознание глазами гуманитария» (1991 г.), «Семейная комедия. Исповедь» (1994), «Жизнь с Мыслью: книга счастливого человека (пока...): исповедь» (1995), «Музыка и световая цивилизация» (1999), «Вещают вещи, мыслят образа» (2000).

А тогда, в 1962 году, ко мне в дверь, в Одессе на Кузнечной, позвонил молодой человек и сказал:

– Я Гена Гачев. Вы меня не знаете, но у меня к вам письмо от Вадима Кожинова с просьбой мне помочь...

Вадим Кожинов – литературовед, с которым я года два назад познакомился. Тогда – либерал, позднее ставший почвенником.

Взял конверт, прочитал записку, рассмеялся. Написано было нечто такое:

«Податель сего письма человек стеснительный и о себе много не расскажет. Поэтому представляю. Он гений, еще сам не знающий этого. По национальности одессит, так как его отец болгарин, а мама – еврейка. Более того, оба музыканты. А Георгий Дмитриевич изучает киргизский космос, что это – он объяснит. Устал сражаться с академическими чиновниками. Решил пойти «в люди» и стать моряком. Помогите ему уйти в рейс».

Прочитал письмо вслух. Рассмеялись оба.

Так начались полтора одесских года Георгия Гачева.

Оказалось, что ему негде жить. У нас, в однокомнатной квартире, где жили родители, сестра, я поместить его не мог. Но позвонил свое-

му другу, математику Юлику Златкису, жившему хоть и на Молдаванке, но в трехкомнатной квартире. Вопрос первый был сразу же решен.

Буквально на второй-третий день Гена пошел в пароходство. Его приход в отдел кадров вызвал смятение: кандидат филологических наук хочет пойти плавать матросом. Об оформлении визы даже слышать не хотели, но вот тут, в каботаже, Одесса – Николаев, Одесса – Ялта... Началось оформление, но зато дали направление в общежитие.

Виделись мы часто. Задумал Гена тогда книгу, которую называл «Записки beachа». В Одессе слово «бич» понятно было каждому школьнику. Для прочих объясню. Бич – от английского beach – берег. Находиться на берегу, но одновременно и разориться – to be on beach. Поэтому словом «бич» называли матросов, оставшихся на берегу, ждущих очередной рейс. Правда, ходила и шутка – и ее, смеясь, часто говорил Гачев: бич – бывший интеллигентный человек.

А впрочем, интеллигентом он оставался всегда. Помню, однажды он мне и Нине Ляпиной, журналистке, начинающему писателю, воспитаннице детдома, где ее другом был Рид Грачев, целый вечер рассказывал о Киргизии и об Айтматове.

– Ошеломлен был, когда весной 1961 года прочитал «Джамилу». Черкал, подчеркивал, делал выписки, а потом поехал в Киргизию. А по возвращении за две недели написал книгу о ней. Я тогда придумал теорию ускоренного развития народов, культур, литератур. И в «Джамиле» увидел ярчайшее подтверждение своей теории.

Признаюсь, что только после этого разговора с Гачевым я нашел и прочитал «Джамилу». И с тех пор на долгие годы Айтматов стал и «моим» писателем.

Куда ходил Гена в Одессе? В филармонию, в музеи. Я познакомил его с художником Олегом Соколовым, человеком, отстаивавшим скрябинские идеи синтеза искусств. И им было о чем поговорить. Олег Соколов подарил ему несколько акварелей, где он фиксировал свои переживания от музыки Баха.

Кстати, не только ко мне было письмо у Гачева в Одессу. Петр Палиевский дал ему письмо к поэту Эдвигу Арзуняну. И это была еще одна живая нить его общений в Одессе. Много позже Гачев написал предисловие к поэме «Я» Эдвигу Арзуняна. Мне кажется, Эдвиг жил уже тогда в США.

А однажды Гена позвал меня в общежитие, где жил, он обещал библиотекарю и провел разговор, точнее, даже дискуссию – о совести.

Вопрос, который он поставил, буквально взорвал видавших виды моряков – помогает ли совесть жить человеку, или мешает? Кто быстрее сделает карьеру – совестливый человек или бессовестный? До двенадцати ночи, до хрипоты спорили моряки. А Гена улыбался, потирая руки:

– Думайте сами! Решайте сами!

После отъезда Георгия Дмитриевича из Одессы мы несколько раз виделись в Москве. Однажды воспользовались его гостеприимством и ночевали с женой у его мамы Мирры Семеновны Брук. Кстати, у нее я впервые увидел, что на пододеяльнике было вышито слово «Ноги».

И, конечно, я читал книги Гачева, его «жизнемысли», удивительный жанр, придуманный этим талантливым человеком.

Георгий Гачев

Айтматов – «писатель, соединяющий пространства и времена»

4.12.96. Позвонили из «Парламентской газеты» – просят 4 страницы написать к юбилею Айтматова... <...>

Как крупен-значителен был и каждый год и день звенел его голос и о нем спорили – в 60-80 годы, три десятилетия – и как оттолкнул, забвен, не знаем нынешними – и писателями, и читателями!

И где ему быть – прописану? Был он – гордость многонациональной советской литературы, достижений интернационализма и дружбы народов, киргиз, пишущий на русском языке и так растиражированный в мир, и уже властитель дум, писатель планеты Земля... А теперь – где ему быть? В истории какой литературы? Киргизская – ему узка. Русская литература России, вышедшей из Советского Союза, – в ней он чужероден, иностранец... Остается – мир. И действительно, он – приемлет!

В июне я был в Штутгарте, где Айтматову вручали премию имени Александра Меня, – и воочию зрел, как все его книги переведены на немецкий – и хорошо расходились, а он из своего по-